

БРОНЗОВЫЙ ГРЕБЕНЬ ИЗ ПРИТОБОЛЬЯ

В.А. Зах, Т.Н. Рафикова

Рассматривается бронзовый гребень, приобретенный Ишимским краеведческим музеем и происходящий, скорее всего, из ограбленного кургана в Курганской области. Гребень односторонний, отлит в двухсторонней форме, возможно с приваренными скульптурками коней и головы человека. Здесь же присутствуют изображения львов мордами, обращенными друг к другу. Средняя и верхняя части гребня разделены двумя расходящимися от головы перевитыми лентой пальмовыми ветвями, оканчивающимися на углах рукояти двумя волютами возможно, представляющими собой стилизованные растительные завитки, гребни волны (?) или же птичьи головки, а средняя от зубьев отделена циркульным орнаментом. Совмещение на одном изделии разрозненных образов, популярных в разное время и на огромной территории Евразии, может указывать на ориентированность ремесленника на широкий круг заказчиков. Сложно обозначить место изготовления гребня: предполагаем, что это были мастерские Византии или Средней Азии. Наиболее вероятным временем изготовления мог быть период с конца раннего железного века по развитое средневековье.

Притоболье, бронзовый гребень, скульптурки коней, головы человека, изображение львов, греческое влияние, Византия, Средняя Азия, конец раннего железного века, раннее и развитое средневековье.

Во время исследований в 2002 г. многослойного городища Ласточкино Гнездо 1, расположенного недалеко от г. Ишима, к нам в лагерь приехали директор Ишимского краеведческого музея Г.Е. Лутошкина и ее заместитель по науке Н.Л. Проскуракова. Работники музея хотели получить информацию по бронзовому гребню, приобретенному у местного предпринимателя В.Д. Штрикера¹. По их словам, к последнему изделие опало от курганских «собирателей древностей», скорее всего «черных археологов». Несмотря на то что данные о точном местонахождении и условиях обнаружения отсутствовали, после тщательного осмотра гребня стало ясно, что он происходит не из размытого или распаханного культурного слоя, а, вероятнее всего, из ограбленной могилы. Об этом свидетельствовали как неординарность самого предмета, так и частички глины, застрявшие между зубьями и в линиях изображений.

Рассматриваемый гребень относится к отделу широких, его максимальные размеры по поперечной (горизонтальной) оси около 13,9 см, по продольной (вертикальной) — вместе со скульптурным навершием в виде двух лошадей — 9,2 см, только с рукоятью — 5,7 см. Гребень односторонний, т.е. имеет зубья лишь с одной стороны от рукояти, их всего 30. Отлит в двухсторонней форме, возможно с приваренными скульптурками коней и изображением головы человека. Плоскостные и объемные изображения, размещенные с обеих сторон изделия, симметричны и идентичны (рис.).

Судя по отливке, в частности по состоянию зубьев, которые не обработаны и могли повредить волосы, гребень, скорее всего, не применялся непосредственно по назначению, а нес некую смысловую нагрузку, возможно в связи с культовой функцией. В этом плане, видимо, правильно наше предположение о происхождении изделия из захоронения. На наш взгляд, хорошо читается трехчленная структура предмета, вероятно соответствующая представлениям об устройстве мироздания. В верхнюю зону включены две объемные скульптурки грациозно гарцующих коней с тонкими и изящными ногами рысаков, расположенные симметрично, мордами друг к другу (рис., 1, 2). Левые передние ноги лошадей приподняты, согнуты в колене, так же как и правые, прямые, опираются на семь лучей (перья павлина?), находящихся над головой человека. Головы вскинуты вверх, хорошо проработаны глаза, ноздри и грива, коротко подстриженная. Экспрессию и возбуждение скакунов выдают приподнятые достаточно длинные хвосты, судя по всему, ухоженные, как и гривы (рис., 1, 2).

Средняя часть гребня отделена от верхней двумя расходящимися от изображения головы перевитыми лентой пальмовыми ветвями, оканчивающимися на углах рукояти двумя волютами, возможно представляющими стилизованные растительные завитки, гребни волны (?) или же

¹ Авторы приносят благодарность руководству музея за возможность ознакомления с предметом и его публикации.

Бронзовый гребень из Притоболья

птичьей головки [Канторович, 1997]. Одна из волют достаточно массивна. В центре зоны находится скульптурное изображение головы человека анфас: округлое лицо, большие, немного нависающие глаза, грушевидный нос, небольшая лопатообразная борода, идущая от виска. Волосы на голове переданы в виде отдельных валиков (рис., 1–3). Определенное сходство изображение имеет с глиняной головой Геракла, происходящей из Бактрии и датирующейся I в. до н.э. — I в. н.э. [Древнейшие государства..., 1985, с. 117]. Над головой человека между двух волют находится семилучевая пальметка. С двух сторон от предполагаемого Геракла, ориентированные головами к центру, выгравированы изображения двух львов — скорее всего, льва (слева) и львицы (справа). Лев более поджарый, в области головы и груди у него поперечные линии изображают, вероятно, гриву (рис., 4). На туловище как у льва, так и у львицы несколькими линиями показаны, скорее всего, ребра. Морды животных даны четко в профиль, т.е. прорисовано лишь одно ухо. При изображении туловища четкая профильность нарушается — у животных видны все четыре лапы, причем у льва поднята левая передняя лапа, у львицы — правая. Перед поднятой лапой льва изображена розетка, где к центральному кругу примыкает шесть более мелких окружностей (рис., 4), а у лапы львицы — розетка с восьмью примыкающими окружностями (рис., 5). Пасти животных раскрыты. Задние лапы напряжены, сжаты и чуть согнуты. Хвост вытянут назад и вниз, на конце обозначена кисточка (рис., 1, 2, 4, 5).

Львы стоят на линии, обозначенной циркульным орнаментом и являющейся переходом от ручки гребня к зубьям. По краям зоны зубьев находится завиток с окружностью в основании, из которой опускается пальмовая ветвь с двумя рядами циркульного орнамента (рис., 1, 2).

Полные аналоги рассматриваемому гребню нам неизвестны, изделие нехарактерно для лесостепной территории Западной Сибири ни по материалу изготовления, ни по оформлению навершия.

Гребни были широко распространены как на лесостепных, так и на таежных территориях Западной Сибири начиная с эпохи ранней бронзы. Так, костяные гребни известны в погребальном комплексе одинонской культуры Сопка 2/4А [Молодин, 2012, с. 139, рис. 208, 1–3]. Исследованию гребней эпохи бронзы — средневековья бассейна р. Оби посвящена работа Ю.К. Сергеевой, в которой приводится их классификация, композиционный, иконографический и стилистический анализ декорированных изделий [2012].

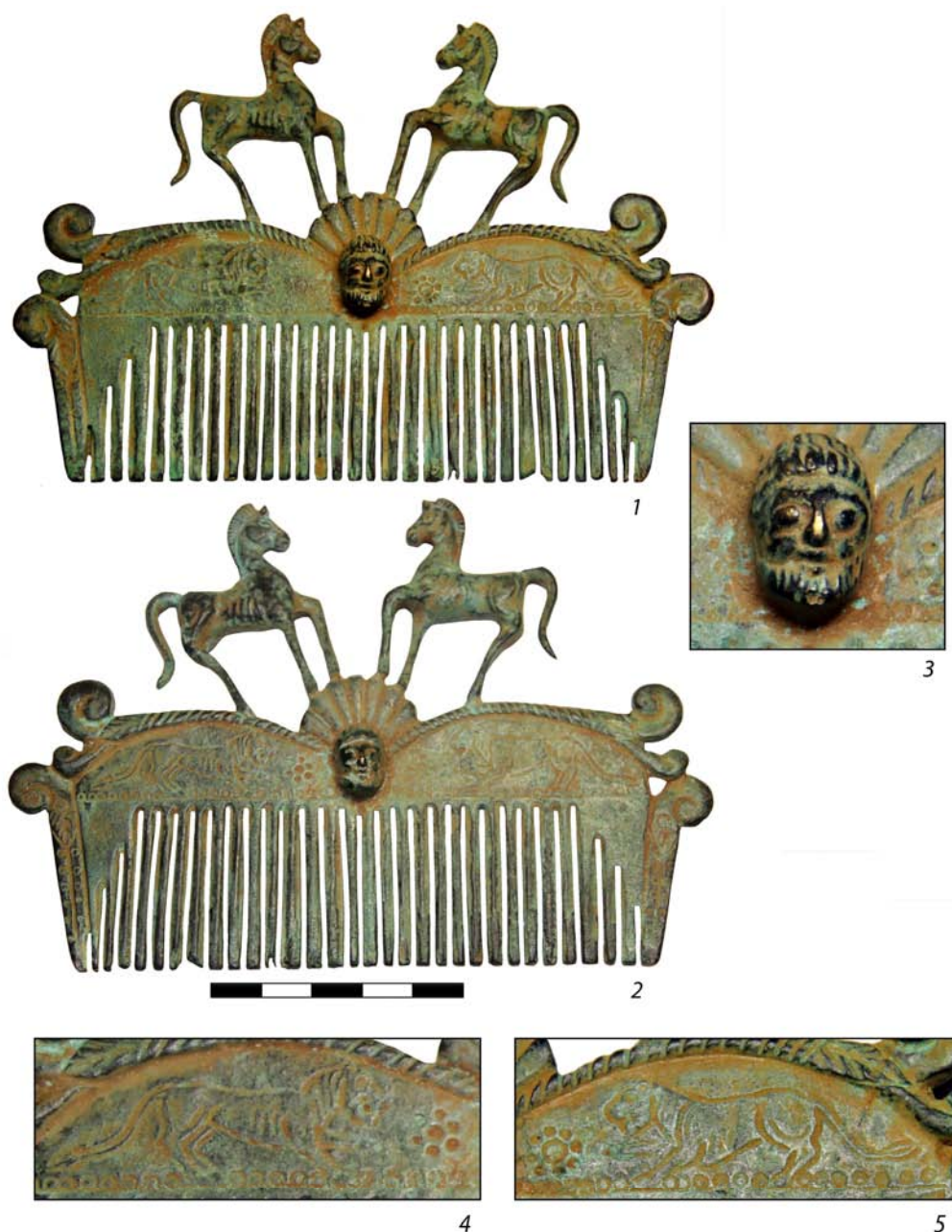
В раннем железном веке бытовые и декоративные костяные гребни имели хождение у населения ананьинской культуры, некоторые имели зоо- или орнитоморфные навершия [Шаталов, 2002, с. 288–294]. Высокие, длинные, с широкими зубьями гребни из оленьего рога, украшенные простым декором, но чаще со скульптурно оформленными навершиями, происходят с памятника Усть-Полуй [Мошинская, 1953, с. 96, 97, табл. XIV; Гусев, Федорова, 2012, с. 53, рис. 31, 4–6]. Металлические и деревянные гребни с искусно украшенными рукоятями известны у скифов [Алтынбеков, 2014, с. 59–63; Ермоленко, 2008, с. 26 и др.].

В средневековый период гребни тюрков-тугю представлены односторонними деревянными и костяными предметами, при этом встречены как удлиненные по горизонтали, так и удлиненные по вертикали предметы [Овчинникова, 1990, с. 65]. Распространение костяных и деревянных гребней в тюркских могильниках Южной Сибири отмечено Ю.К. Сергеевой [2012, с. 16]. Роговой гребень, украшенный зигзагообразными линиями, а также циркульным и кружковым орнаментом, обнаружен на Осинкинском могильнике VII–VIII вв. н.э. [Савинов и др., 2006, с. 30, с. 63, рис. 13, 1].

Одно- и двухсторонние костяные гребни, неорнаментированные или украшенные циркульным орнаментом, встречались на памятниках Волжской Болгарии — например, Муромском городке [Матвеева, Кочкина, 2005, с. 37], Билярском городище [Хузин, 1991, с. 46; Валиуллина, Руденко, 1991, с. 73, с. 68, рис. 1, 5, 6]. Значительное количество костяных (роговых) изделий с зооморфными навершиями, украшенными геометрическими, дуговидными полосами, циркульным орнаментом, в ряде случаев антропоморфными фигурами, выявлено на городище Иднакар [Иванова, 1999, с. 16–20, с. 56–59, рис. 24–27].

Сотни гребней из дерева, рога, кости и клыков моржа были обнаружены при раскопках Новгорода, Старой Ладogi, Сарского, Псковского городищ, курганов Суздальского Ополя и других русских памятников [Рыбаков, 1948, с. 414–415; Кондратьева, 1981, с. 103–109; Колчин, 1982, с. 163–165; Смирнова, 1996, с. 70–80]. Аналогичные изделия встречены на русских поселениях в Сибири, например на Мангазее [Визгалов, Пархимович, 2008, с. 96–97]. Подобные деревянные, костяные и даже металлические орнаментированные гребни встречены и в культурных

слоях городищ аборигенного населения Западной Сибири — Усть-Войкарском [Войкарский городок, 2008, с. 7, 16], Мункысь Урий [Семенова, 2005, с. 61, рис. 42–2], Бухта Находка [Кардаш, 2011, с. 25–27, рис. 32].

Рис. Бронзовый гребень из Притоболья:

1, 2 — стороны изделия; 3 — скульптурное изображение головы человека;
4 — изображение льва на левой части рукоятки гребня; 5 — изображение львицы на правой части рукоятки гребня.

Так как прямых аналогов гребню найти не удалось, для определения возможного времени и места его изготовления обращаемся к анализу оформления навершия — особенностям расположения и изображения животных и головы человека, орнамента и т.д. Внимание уделено не только целым образам, но и деталям, например способам передачи мускулатуры животных, их позам, оформлению грив и т.д., являющимся, по мнению ряда авторов, ключевыми в поиске аналогий [Маршак, 1971, с. 19–20].

Бронзовый гребень из Притоболья

Скульптурам коней и другим отдельным образам на гребне также нет полных аналогов. Подчеркнем, что анализируемым изображениям присуща реалистичность, проработка каждой детали. Кони грациозны, изящны, с длинными тонкими ногами. Скульптор явно передавал породистого скакуна, сильно отличавшегося от привычной для кочевников мощной, невысокой, крепкой лошади. Это, возможно, указывает на связь изделия с мастерами Средней, Передней Азии или Европы.

В целом образ коня с I тыс. до н.э. пользовался огромной популярностью на лесостепных и степных пространствах Евразии. Он встречается на переднеазиатских тканях, персидских печатях [Руденко, 1961, с. 23–28, рис. 14, 17], монетах и предметах восточной [Тревер, 1940, с. 87–92, табл. 22–26] и византийской торевтики [Даркевич, 1975, с. 27, рис. 22, с. 29, рис. 26, с. 31, рис. 30], а также в бронзовой пластике Прикамья [Липина, 2006, с. 21–24], Урала и Западной Сибири.

Вместе с тем скульптурных изображений коней немного. Так, можно отметить терракотовые скульптурки лошадей (с всадником или без него) в памятниках Центральной Азии позднекушанского времени, раннего и развитого средневековья. Но чаще всего в комплексах встречаются достаточно массивные фигурки коней, вылепленные схематично [Бурханов, 2010, с. 114–118, рис. 1].

О развитии скульптуры в средневековый период в Средней Азии свидетельствуют описания Абу-л-Касима Мухаммеда Ибн Хаукаля деревянных реалистичных фигур лошадей, верблюдов, быков, антилоп, установленных на площади Самарканда в X в. н.э. [Веймарн, 1940, с. 49].

Большой интерес вызывают резные деревянные, различных размеров с максимальной длиной 26,5 см, скульптурки коней, обнаруженные в памятниках таштыкской культуры в Минусинской котловине. На одну примечательную особенность данных фигурок указывает С.В. Киселев — все «кони изображались стоящими на трех ногах с поднятой и вытянутой вперед правой передней, которой они как бы бьют в нетерпении о землю». Аналоги таштыкским фигурам присутствуют в китайских памятниках ханьского времени (206 г. до н.э. — 220 г. н.э.) [Киселев, 1951, с. 442]. Однако указанные статуэтки достаточно сильно отличаются от анализируемых нами скульптурных изображений коней размерами, положением ног, формой морды, посадкой ушей и т.д.

Образы львов наибольшее распространение получили в искусстве Передней Азии. Они были популярны в ассирийском искусстве начала I тыс. до н.э., их рельефные изображения, как и других животных и фантастических существ, наносили на глазурованные кирпичи, облицовывавшие стены вавилонских дворцов с VII в. до н.э. [Руденко, 1961, с. 10–11]. Как правило, львы переданы очень реалистично, тщательно прорисованы морда, пасть, глаза, лапы, когти, грива, мускулатура животного, мелкими штрихами показана шерсть.

Не менее распространенным оставался образ льва в Передней Азии в скифо-сарматское время. Так, на переднеазиатской ткани из пятого Пазырыкского кургана нанесены 15 шагающих львов — с раскрытыми пастями, клыками, высунутыми языками, мышца на передней ноге показана восьмеркообразной фигурой, на задней — двумя скобками с точкой посередине. Все эти детали, особенно передающие мускулатуру животного и служащие важными хронологическим и географическими маркерами (характерны для ассирийского и персидского искусства ахеменидского времени), отсутствуют на изображениях львов на гребне.

Начиная с VII–VI в. до н.э. изображения львов в Передней Азии меняются — узенькие подковки с заостренными концами на ногах сохраняются, но дуга на плече львов превращается в две фигуры, называемые «грушей и яблоком» или «точкой и запятой». Несколько видоизмененные, эти знаки — точка с треугольником, точка между двумя треугольниками, подчеркивающие мускулатуру животных, позднее получают распространение в сарматских произведениях искусства [Руденко, 1961, с. 53–54]. В изображениях животных на рассматриваемом нами гребне мы не находим этих деталей.

Отмечая распространенность изображений кошачьих хищников на скифских изделиях, исследователи указывают, что они чаще стилизованы и это не позволяет соотнести изображение с конкретным животным [Троицкая, Новиков, 2007, с. 42]. В то же время известны реалистичные изображения львов, в том числе на навершиях гребней. Так, например, нижний фриз знаменитого золотого гребня из кургана Солоха украшен пятью лежащими фигурками оскалившихся львов [Ермоленко, 2008, с. 26]. Очень жизненно изображен лев на пекторали из Толстой могилы, реалистично выгравированы лев и львица на одном из фаларов Старобельского клада. Тела животных массивны, тщательно проработаны лапы, прорисованы морды и уши, шерсть показана мелкими штрихами, грива льва в виде прядок. В.И. Мордвинцева полагает, что фалары

из Старобельского клада были изготовлены в греческих мастерских Северного Причерноморья во II в. до н.э. [1999, с. 176–177]. К выводу о греческом происхождении ряда фаларов (в том числе с зооморфными мотивами, в которых присутствуют изображения львов), выполненных по заказу скифов либо савромато-сарматов, приходит В.С. Бейлекчи [1997, с. 35]. Эти предметы демонстрируют нам приемы передачи образа льва и львиц греческими мастерами в раннем железном веке.

При анализе согдийского серебра Б.И. Маршак выделил специфические черты трех школ. Характерные черты школ А и В (точка в конце линии, чрезмерная орнаментированность животных, заполнение всего орнаментируемого поля декором и др.) не отмечены в анализируемом нами предмете. Акцентируя внимание на изображении животных, в том числе львов, он говорит о появлении нового, по сравнению с сасанидским искусством, способа передачи мышц задней ноги в виде трех изолированных частей со средней частью в виде овала, а верхом и низом в виде незамкнутых фигур [Маршак, 1971, с. 22–23]. Данный прием также отсутствует на изображении львов на рассматриваемом гребне. Особое внимание привлекают предметы школы С восточной торевтики — на сосудах этой группы совмещаются гравированные орнаменты с литыми рельефными деталями [Там же, с. 26–27]. Возможно, этот прием является хронологическим признаком. По Б.И. Маршаку, предметы школы С могут датироваться начиная с VII–VIII вв. н.э. [Там же, с. 46–47].

Изображения львов, находящие аналоги в предметах сасанидского круга, зафиксированы на изделиях сросткинской культуры [Киселев, 1951, с. 555].

В византийском прикладном искусстве образ льва также был достаточно популярен и близок к изображению животных согдийскими мастерами — подчеркивалась богатая грива со множеством завитков, морда львов чаще всего изображалась анфас либо вполоборота, глаза глубоко посажены, подчеркивались надбровные дуги, пасти растянуты, носы широкие [Даркевич, 1975, с. 190]. Показательны детали передачи тела животных — всегда прорисовывались ребра, дугообразной чертой подчеркивалось бедро, выделялась передняя лопатка. Все эти черты мы видим на чашах из с. Вильгорт (Приуралье), Чернигова и др., отнесенных специалистами к византийскому прикладному искусству XII в. н.э. [Даркевич, 1975, с. 17, 22, рис. 8, с. 25, рис. 19, с. 26, рис. 20, с. 32, рис. 32, с. 46, рис. 53, с. 57, рис. 77]. Такие же приемы передачи мускулатуры животных применены при прорисовке тел льва и львицы на нашем гребне.

С XI–XII вв. н.э., по замечанию В.П. Даркевича, «звериные» мотивы получили большое распространение в искусстве стран Европы, образы льва и львиц, олицетворяющие стражников, призванных защитить от врагов, сглаза, становятся одними из излюбленных изображений на геральдических эмблемах феодальных правителей [1975, с. 190–191].

Изображения львов отмечены на металлических изделиях Волжской Булгарии. Исследователи указывают, что характерными чертами изображения хищных животных были их пассивность, безобидность, отсутствие сцен терзания [Валеев, Валеева-Сулейманова, 1987, с. 79]. В целом следует отметить, что среди общей массы изделий декоративно-прикладного искусства Волжской Булгарии домонгольского времени доля предметов с образом льва небольшая, преобладают животные местной фауны.

На металлических зеркалах золотоордынского времени изображения львов редки; так, из 60 зеркал с Увекского городища лишь в пяти случаях встречены изображения львов, еще на двух предметах отмечены образы ал-Бораков — мифологических существ с головой человека и туловищем льва [Недашковский, Ракушин, 1998, с. 32–47]. Происхождение образа сенмурвов связывают со странами Ближнего Востока и Средней Азии, откуда они распространяются во второй половине XIII — XIV в. [Там же, с. 39].

В декоративно-прикладном искусстве Руси образ льва не был актуальным. Схематичное изображение одной или нескольких морд львов встречено на браслетах XIV в. в Новгороде и связано, по мнению М.В. Седовой, с памятниками Золотой Орды [1981, с. 119].

При поиске аналогов скульптурным изображениям головы человека на гребне в первую очередь внимание привлекает греческая культура. Под влиянием греков с III в. до н.э. небольшие скульптуры людей появляются у скифов. Рельефные фризы с изображениями музыкантов и гирляндоносцев зафиксированы при раскопках здания в Айртаме на Амударье, построенного в конце II в. до н.э. в период существования на данной территории Греко-Бактрийского царства. Отмечается лишь факт появления на территории Средней Азии рельефных реалистичных изображений лиц людей анфас, но значительного сходства изображений людей на фризе и анали-

Бронзовый гребень из Притоболья

зируемом нами гребне нет. Особое внимание привлекают листья аканфа, помещенные на фризе между фигурами людей и перед ними, отчасти вызывающие ассоциации с веерообразным изображением за головой человека на нашем гребне [Тревер, 1940, с. 29, табл. 45–49].

В Средней Азии, в частности на территории современного Туркменистана, под влиянием эллинистического мира начиная с III–II вв. до н.э. активно развивалась как монументальная скульптура, так и скульптура малых форм. Широко распространились терракотовые статуэтки богини, оттиснутые в форме с одной стороны и подрезанные ножом с другой и рассчитанные на фронтальное рассмотрение [Пугаченкова, 1967, с. 73]. Начиная с III–IV в. н.э. в коропластике Средней Азии появляются мужские образы — статуэтки юношей, всадников с продолговатым лицом, бородой и усами, волосы либо острижены, либо опускаются на плечи, головные уборы разнообразны [Там же, с. 80–81].

Интересны седельные накладки из бронзы в виде женского лица с четырьмя трилистниками по краю, символизирующие, по мнению Г.Н. Белорыбкина, солнышко [2001, с. 22–23; с. 21, рис. 11, 3, 4]. При сопоставлении человеческих лиц на гребне и накладках отмечается сходство в передаче глаз, носа, губ, щек. Седельные накладки, по Г.Н. Белорыбкину, начали распространяться с территории Нижнего Поволжья в VI–VII вв. н.э. и широко известны в X в. н.э.

Растительный орнамент в виде пальметок, полупальметок, лотосов, выходящих стеблей имел широкое распространение в декоративном искусстве Вавилона, Ассирии, Персии, Передней и Средней Азии, Византии и других стран. Пальмовая ветвь как символ ведет свою историю из Египта и Месопотамии, в античное время была заимствована и признана в Древней Эллад. Наиболее известное значение связано с библейским сюжетом Входа Господня в Иерусалим. Обычно служила символом мира, мирных намерений, а также олицетворяла победу, успех и триумф.

Г.А. Федоров-Давыдов отмечает, что начиная с VII–VIII вв. растительный орнамент, призванный передавать движение, становится лидирующим в декоре у тюрков евразийских степей. Все детали орнамента связаны между собой, для чего используется растительный побег либо система плетеных линий. Зооморфные изображения не только вписаны в растительный узор, но даже подчинены ему [Федоров-Давыдов, 1976, с. 61–65]. В то же время, по замечанию исследователя, мотив борьбы и терзаний зверей становится редким [Там же, с. 76–77].

Украшение бронзовых и серебряных изделий (деталей конской упряжи, гарнитуры поясного набора и портупей, окантовок деревянных сосудов) растительными орнаментами, среди которых преобладали выходящие побеги и виноградная лоза, характерно для средневековых кочевников предгорий Алтая [Могильников, 2002, с. 131, рис. 5, с. 176–177, рис. 47–48, с. 216, рис. 86], Кузнецкой котловины [Илюшин, 2011, с. 8–9].

В византийском искусстве развитого средневековья растительный декор достаточно распространен, заполняет фон, служит осью симметрии для всей композиции или разделяет ее, украшает венчики сосудов, но не подчиняет себе орнамент, не диктует свой ритм, как в искусстве ислама [Даркевич, 1975, с. 215].

К сожалению, кроме пальмовой ветви близких аналогов растительному орнаменту в виде завитков на гребне нам найти не удалось. Некоторое сходство, проявившееся в наличии крупных округлых завитков, нанесенных на кружки или украшающих скульптурно оформленные ручки сосудов, можно увидеть на посуде Средней Азии конца раннего средневековья [Даркевич, 1976, с. 98, табл. 20, 2, 4; с. 100, рис. 13].

Заполнение поля циркульным орнаментом очень характерно именно для этой категории вещей — гребней начиная с раннего железного века и до XIX в. н.э. Этот мотив был распространен на бытовых предметах европейской части России, Прикамья, Приуралья, Западной Сибири и Алтая. Если костяные гребни раннего железного века чаще всего украшались скульптурно вырезанными фигурками зверей, то в раннем и развитом средневековье циркульный орнамент становится преобладающим.

Рассматривая время и место изготовления гребня, акцентируем внимание на ряде моментов. Во-первых — форма предмета. В эпоху бронзы и на протяжении раннего железного века в основном изготавливали и использовали узкие, ориентированные длинной осью по вертикали гребни. Широкие изделия, появившиеся в раннем средневековье, наибольшее распространение получили позднее.

Во-вторых, образы львов чужды изобразительному искусству населения лесостепей Урала и Сибири, а на Алтае появляются в скифское время. В период средневековья изображения

львов встречаются на предметах таштыкской и сросткинской культур, но выполнены они в сасанидской традиции. Образ льва использовали при декорировании украшений мастера Волжской Болгарии, но животные изображались в это время схематично, не полностью, достаточно часто выгравирована лишь морда хищника. И только в торевтике и прикладном искусстве Средней, Передней Азии и Византии на протяжении раннего железного века и средневековья встречаются живые, полные движения фигуры львов и львиц. Основные приемы изображения животного на гребне — подчеркивание бедра двойной линией, прорисовка ребер, статичность, использование отдельно стоящих фигур (не в сценах терзания или охотничьих сценах) — указывают, скорее всего, на позднее время изготовления предмета, в конце раннего — развитом средневековье. Наибольшую близость изображенные львы имеют с фигурами на предметах декоративно-прикладного искусства Византии.

В-третьих, растительный орнамент не доминирует в композиции изделия, не заполняет собой свободное пространство и в то же время очень органично вписан в него, придавая предмету изысканную форму, «разгружая» центральную часть наверху гребня. Это желание и умение мастера использовать растительный орнамент в качестве обрамляющего в декоре может косвенно указывать на связь с мастерами Средней Азии.

В-четвертых, при анализе скульптурных фигурок лошадей и лица человека (Геракла?), выполненных очень умело, мастерски, поиск близких аналогов не дал результатов. Отметим лишь, что и в раннем железном веке, и в средневековье не только в гравировках, но и в литье Урала, Сибири и Алтая было принято изображать оседланную лошадь. Представленные на гребне вольно скачущие, явно породистые кони, возможно, отсылают нас в регион Средней или Передней Азии.

Следует обратить внимание на циркульный орнамент, использованный в декорировании гребня, который не получил широкого распространения ни на предметах восточной торевтики, ни на изделиях Византии и Европы, но был очень популярен на территории современной России, Урала, Сибири и Алтая, особенно при украшении гребней раннего — развитого средневековья. Его использование, а также совмещение на одном предмете разрозненных образов, популярных в разное время и на огромной территории Евразии, может указывать на ориентированность ремесленника на широкий круг потребителей.

В целом сложно узко очертить возможную территорию изготовления гребня. Предполагаем, что это были мастерские Византии или Средней Азии, а наиболее вероятным временем мог быть период с конца раннего железного века по развитое средневековье.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Алтынбеков К.* Реконструкция погребения жрицы из курганного комплекса Таксай I // Тр. IV (XX) Всероссий. археол. съезда в Казани. Казань: Отечество, 2014. Т. II. С. 59–63.
- Бейлекчи В.С.* Фалары села Твардица. Ростов Великий, 1997. 439 с.
- Белорыбкин Г.Н.* Золотаревское поселение. СПб., 2001. 191 с.
- Бурханов А.А.* Зооморфные терракотовые статуэтки из поселений Лебапского региона: (К проблеме изучения художественной культуры побережья среднего течения Амударьи в древности и средневековья) // Вестн. НГУ. Сер. История и филология. Т. 9. Вып. 7: Археология и этнография. Новосибирск, 2010. С. 114–125.
- Валеев Ф.Х., Валеева-Сулейманова Г.Ф.* Древнее искусство Татарии. Казань: Тат. кн. изд-во, 1987. 166 с.
- Валиуллина С.И., Руденко К.А.* Археологические исследования Билярского городища КГУ в 1989 г. // Проблемы археологии Среднего Поволжья. Казань: Изд-во КГУ, 1991. С. 58–78.
- Веймарн Б.В.* Искусство Средней Азии. М.; Л.: Искусство, 1940. 191 с.
- Визгалов Г.П., Пархимович С.Г.* Мангазея: Новые археологические исследования (материалы 2001–2004 гг.). Екатеринбург; Нефтеюганск: Магеллан, 2008. 296 с.
- Войкарский городок* / Текст Н.В. Федорова; ил. А.В. Гусев, А.Г. Брусницына, М.Н. Литвиненко; дизайн А.В. Терещенко. Омск: Омскбланкиздат, 2008. 22 с.
- Гусев А.В., Федорова Н.В.* Древнее святилище Усть-Полуй: Конструкции, действия, артефакты. Итоги исследований планиграфии и стратиграфии памятника: 1935–2012 гг. Салехард: Сев. изд-во, 2012. 59 с.
- Даркевич В.П.* Светское искусство Византии: Произведения византийского художественного ремесла в Восточной Европе: X–XIII века. М.: Искусство, 1975. 350 с.
- Даркевич В.П.* Художественный металл Востока VIII–XIII вв.: Произведения восточной торевтики на территории европейской части СССР и Зауралья. М.: Наука, 1976. 200 с.
- Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии.* М.: Наука, 1985. С. 117. (Археология СССР).

Бронзовый гребень из Притоболья

- Ермоленко Л.Н.* О троичной и двоичной композиционных структурах в искусстве Скифии // Тр. II (XVIII) Всероссий. археол. съезда в Суздале. М.: ИА РАН, 2008. Т. II. С. 25–27.
- Иванова М.Г.* Вдохновение в древних истоках: Материалы по средневековому искусству удмуртов: Метод. пособие для мастеров. Ижевск, 1999. 76 с.
- Илюшин А.М.* Новые материалы по изучению кыпчакского историко-культурного феномена // История, экономика и культура средневековых тюрко-татарских государств Западной Сибири: Материалы Междунар. конф. (Курган, 21–22 апр. 2011 г.). Курган, 2011. С. 6–11.
- Канторович А.Р.* К вопросу о скифо-греческом синтезе в рамках зверинного стиля степной Скифии // Памятники предскифского и скифского времени на юге Восточной Европы. М.: Изд-во ИА РАН, 1997. С. 97–113.
- Кардаш О.В.* Городок сихиртя в Бухте Находка: (Первые результаты исследования). Нефтеюганск: АНО «Институт археологии Севера»; Екатеринбург: Изд-во АМБ, 2011. 60 с.
- Киселев С.В.* Древняя история Южной Сибири. М., 1951. 643 с.
- Колчин Б.А.* Хронология новгородских древностей // Новгородский сб.: 50 лет раскопок Новгорода. М.: Наука, 1982. С. 156–177.
- Кондратьева О.А.* Зооморфные гребни IX–X вв. // КСИА. Вып. 166: Средневековые древности. М.: Наука, 1981. С. 103–109.
- Липина Л.И.* Семантика бронзовых зооморфных украшений прикамского костюма (середина I тыс. до н.э. — нач. II тыс. н.э.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ижевск, 2006. 26 с.
- Маршак Б.И.* Согдийское серебро: Очерки по восточной торевтике. М., 1971. 191 с.
- Матвеева Г.И., Кочкина А.Ф.* Муромский городок. Изд. 2-е, испр. и доп. Самара: Самар. обл. ист.-краевед. музей им. П.В. Алабига. 2005. 44 с. (Археологические памятники Самарской области).
- Могильников В.А.* Кочевники северо-западных предгорий Алтая в IX–XI веках. М.: Наука, 2002. 362 с.
- Молодин В.И.* Памятник Сопка 2 на реке Оми: Культурно-хронологический анализ погребальных комплексов одиновской культуры. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2012. Т. 3. 220 с.
- Мордвинцева В.И.* Старобельский клад // Археол. вести. СПб., 1999. Вып. 6. С. 168–178.
- Мошинская В.И.* Материальная культура и хозяйство Усть-Полюя // Древняя история Нижнего Приобья. 1953. С. 72–106. (МИА; № 35).
- Недашковский Л.Ф., Ракушин А.И.* Средневековые металлические зеркала с Увековского городища // Татарская археология. Казань, 1998. № 1 (2). С. 32–47.
- Овчинникова Б.Б.* Тюркские древности Саяно-Алтая в VI–X веках. Свердловск: Изд-во УрГУ, 1990. 223 с.
- Пугаченкова Г.А.* Искусство Туркменистана: Очерк с древнейших времен до 1917 г. М.: Искусство, 1967. 327 с.
- Руденко С.И.* Искусство Алтая и передней Азии (середина I тыс. до н.э.). М.: Изд-во вост. лит., 1961. 86 с.
- Рыбаков Б.А.* Ремесло древней Руси. М.: Изд-во АН СССР, 1948. 802 с.
- Савинов Д.Г., Новиков А.В., Росляков С.Г.* Верхнее Приобье на рубеже эпох: (Басандайская культура). Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2006. 424 с.
- Седова М.В.* Ювелирные изделия Древнего Новгорода (X–XV вв.). М.: Наука, 1981. 196 с.
- Семенова В.И.* Поселение и могильник Частухинский Урий. Новосибирск: Наука, 2005. 164 с.
- Сергеева Ю.К.* Гребни Западной Сибири эпохи бронзы — средневековья (по археологическим источникам): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2012. 23 с.
- Смирнова Л.И.* Новгородские гребни из моржового клыка // Новгород и Новгородская земля: История и археология. Новгород, 1996. Вып. 10. С. 70–80.
- Тревер К.В.* Памятники греко-бактрийского искусства: Памятники культуры и искусства в собраниях Эрмитажа. М.; Л.: Изд-во АН СССР. 1940. I. 178 с.
- Троицкая Т.Н., Новиков А.В.* Скифо-сибирский мир: Учеб. пособие для вузов. Новосибирск: Гео, 2007. 142 с.
- Федоров-Давыдов Г.А.* Искусство кочевников и Золотой Орды: Очерки культуры и искусства народов Евразийских степей и золотоордынских городов. М.: Искусство, 1976. 228 с.
- Хузин Ф.Ш.* О верхней дате существования Билярского городища // Проблемы археологии Среднего Поволжья. Казань: Изд-во КГУ, 1991. С. 40–58.
- Шаталов В.А.* Костяные гребни Прикамья эпохи раннего железного века // Социально-исторические и методологические проблемы древней истории Прикамья. Ижевск: Издат. дом «Удмуртский университет», 2002. С. 288–294.

Тюмень, ИПОС СО РАН
viczakh@mail.ru
tnrafikova@yandex.ru

В.А. Зах, Т.Н. Рафикова

The article considers a bronze comb acquired by the Ishim museum of local lore, and originating, most probably, from a robbed mound in Kurgan Oblast'. As to more accurate data on the location of the article, those are not available. The comb is unilateral, cast in a bilateral mold, probably, with welded horse figurines and a human head. Here also there are pictures of lions facing each other. The middle and upper parts of the comb are divided by two palm branches diverging from head and braided with a ribbon, terminating with two volutes at the corners of the handle, probably representing a styled floral ornament, wave crests (?) or styled bird heads, while the middle part is separated from the teeth with a circular ornament. Using and combining different images with no single composition in one and the same article, but at the same time popular in different time throughout a huge territory of Eurasia, could point to the craftsman's orientation to a broad circle of customers. It is difficult to precisely delineate a probable territory of the comb manufacturing. We suppose that those could be workshops of Byzantium or Middle Asia, with the most probable time being a period from the end of early Iron Age up to developed Middle Ages.

Low Tobol basin, bronze comb, horse figurines, human head, picture of lions, Greek influence, Byzantium, Middle Asia, end of early Iron Age, early and developed Middle Ages.